

УДК 34.023

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-502-512

Молодежный парламентаризм и гражданское общество: компаративная дилемма

Хмелевская И.Г.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
khmelevskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. На протяжении последних десятилетий вокруг молодежного парламентаризма формировалась репутация перспективного направления государственного строительства, как следствие, молодежные парламентские структуры стали устойчивым атрибутом национальных правопорядков, выполняющим функцию представительства интересов молодежи в диалоге с государством. Однако детальное рассмотрение сущностных параметров молодежных парламентов детерминирует фундаментальную дискуссию о природе указанных автономных элементов. Целью исследования является определение места молодежного парламентаризма в современной общественно-политической инфраструктуре через призму соотношения категорий «государство» и «гражданское общество». Методология исследования предполагает комбинацию общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов, среди которых особое значение имеет сравнительно-правовой метод. Учитывая поливариантность концепции молодежного парламентаризма, выраженной в национальных самобытных характеристиках молодежных парламентских структур в различных государствах, а также конкретных способах их организационно-правового оформления, декларируется дихотомический характер рассматриваемого феномена. Сделаны выводы об адаптивной природе молодежного парламентаризма и возможности его интеграции как в разветвленную систему институтов гражданского общества, так и в государственный сектор в качестве совещательного и консультативного компонента при официальных органах.

Ключевые слова: молодежные парламенты, молодежные правительства, совещательные органы, государство, молодежь, государственная молодежная политика

Для цитирования: Хмелевская И.Г. 2024. Молодежный парламентаризм и гражданское общество: компаративная дилемма. *NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право*, 49(3): 502–512. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-502-512

Youth Parliamentarism and Civil Society: The Comparative Dilemma

Irina G. Khmelevskaya

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
khmelevskaya@bsu.edu.ru

Abstract. The formation of a reputation for youth parliamentarism as a promising avenue for state-building is a current trend. However, an in-depth examination of the fundamental parameters of youth parliaments leads to a fundamental discussion about the nature of these independent bodies. The aim of the study is to establish the position of youth parliamentary institutions in the contemporary socio-political framework through the lens of the relationship between the concepts of "state" and "civil society". The research methodology encompasses a combination of general scientific, specialized scientific, and specific legal methods, with the comparative legal approach being particularly significant.

We declare a dichotomous nature of the concept of youth parliamentarianism, taking into account its multiplicity which is expressed in the national peculiarities of youth parliamentary structures in different countries, as well as specific ways to organize them and obtain a legal registration. Youth parliaments demonstrate an adaptive nature, with the potential to be integrated into a wide range of civil society institutions and the public sector as a consultative and advisory component of official bodies.

Keywords: youth parliaments, youth governments, consultative bodies, state, youth, state youth policy

For citation: Khmelevskaya I.G. 2024. Youth Parliamentarism and Civil Society: The Comparative Dilemma. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 502–512 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-502-512

Введение

Участие молодежи в жизни государства и ее влияние на принятие государственных решений так или иначе фигурировало в качестве предмета рассмотрения в политико-правовой мысли с античных времен. Постепенно теоретические постулаты, обоснованные в научной литературе, трансформировались в реальные коммуникации молодежи с административным сектором. Кульминацией подобных паритетных взаимодействий стало формирование своеобразных международных и национальных «трибун» подрастающего поколения, нередко именуемых молодежными парламентами.

Оформление обозначенных конструкций отличалось самобытными особенностями, присущими культурному коду различных стран. Более того, практика интеграции молодежи в государственные процессы, а также наделение ее реальными управленческими полномочиями в сфере представления собственных интересов опосредовали и поливариантность организационно-правовых форм молодежного парламентаризма.

В текущих реалиях фундаментально важной дискуссией является идентификация места молодежных парламентских структур в общественно-политической конъюнктуре. В контексте научного анализа молодежного парламентаризма центральный вопрос заключается в том, куда в конечном итоге входит рассматриваемый феномен – в сферу регулирования гражданского общества или самого государства. От разграничения данных позиций непосредственно зависит оптимальное построение так называемой молодежной экосистемы, где молодежные парламента во всем их многообразии – один из направляющих элементов.

Современная научная литература в сфере молодёжного парламентаризма отличается отсутствием единого представления о природе молодежных парламентских структур. Многогранность молодежного парламентаризма, его «пограничное состояние», выраженное в нахождении на стыке права, политологии и социологии, определяют наличие разнообразных подходов к изучению его сущности. Его рассматривают как одну из вариаций коммуникации органов государственной власти и молодежи [Бочкаев, 2024], часть молодежной политики Российской Федерации в контексте внеучебной деятельности социально-активной студенческой молодежи [Ивлева, 2023] политический инструмент для обеспечения легитимации принимаемых решений и формирования повестки в молодежной среде [Федотов, 2021], инструмент общественного контроля [Тепляшин, 2020], способ вовлечения молодежи в политический процесс [Барышная, Самохвалов, 2020], особую форму народного представительства [Шелудякова, 2018]. В качестве особой концепции признается двойственная политико-правовая сущность молодежных парламентов как институтов привлечения молодежи к государственной деятельности, выраженная в легальной связи с государственными структурами, но фактическими минимальными представительными и нормотворческими функциями [Москаленко, 2023].

Предметом отечественных научных изысканий зачастую является оценка эффективности молодежных совещательных органов [Семочкина, 2021]. Исследователями

подчеркиваются различные проблемы, сопровождающие деятельность молодежных парламентов, среди которых отсутствие у последних статуса юридических лиц, неспособность демонстрации интересов всех молодежных групп и сообществ, а также дефицит нормативно-правового регулирования [Заслонкина, 2021].

Ряд работ посвящен региональной специфике молодежных парламентских структур и содержит обзорную характеристику их функционирования в конкретных субъектах Российской Федерации [Алиханова, 2018; Сергеев и др., 2018; Аслаев и др., 2023] или мониторинг отдельных, в том числе технологических, аспектов участия в молодежных представительных организациях при органах государственной власти и местного самоуправления с учетом того же «локального» опыта [Головин, 2022].

При этом, несмотря на детальный профиль исследований и их значительный вклад в позиционирование молодежного парламентаризма как уникального феномена, проблема диагностики его места в общей совокупности политико-правовых явлений затрагивается в них фрагментарно. Артикуляция множеством конструкций, описывающих значение молодежного парламентаризма, не дает однозначного ответа о его положении в общественной конъюнктуре. Однако сама идея представительства интересов молодежного сообщества определенным коллективом граждан в совокупности с очевидной связью с государственным сегментом транслирует необходимость определения векторов дальнейшего развития молодежного парламентаризма в свете его приверженности двум отчасти противопоставляемым сферам.

Целью исследования является определение позиции молодежных парламентских структур в сложившейся общественно-политической обстановке в контексте концептуальной «оппозиции» гражданского общества и государства с учетом их нормативных характеристик в отдельных странах.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является комплекс общественных отношений, связанных с функционированием молодежного парламентаризма в рамках взаимодействия государственного сектора и субъектов гражданского общества.

Методология исследования предполагает комбинацию общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов. Использование междисциплинарного подхода, охватывающего юридический, исторический и политологический опыт, стимулирует конструирование рациональных выводов и результатов о соотношении категорий «государство» и «гражданское общество», а также о статусе и природе молодежного парламентаризма как уникального явления современности.

Важное значение среди применяемых способов научного познания имеет сравнительно-правовой метод, создающий фундамент для определения и сопоставления правового положения молодежных парламентов в России и за рубежом в целях решения исследовательского «конфликта» об их месте в системе регулярно контактирующих государственных и автономных институтов.

Государство и гражданское общество: ретроспектива научных взглядов

Соотношение категорий «государство – гражданское общество» – тематика довольно разработанная, корнями уходящая в древность.

Концептуальные начала гражданского общества можно обнаружить еще в трудах Аристотеля, который рассуждал об общности, стремящейся к общему благу и справедливости [Аристотель, 1983, с. 376]. По мнению американских политологов Дж. Л. Козна и Э. Арато, его "politike koinonia" – политическое сообщество – представляло собой особую «публичную этико-политическую общность свободных и

равных граждан, существующую в условиях основанной на законе системы правления» [Козн, Арато, 2003, с. 132]. Право позиционировалось как отражение воли народа и демонстрировало единую систему ценностей и норм, присущих каждому члену социума и в ракурсе общепринятых добродетелей, определяющих как политические механизмы, так и бытовые принципы Козн, Арато, 2003, с. 132]. При этом предложенная античным философом идейная материя гражданского общества отличалась определенным диссонансом – фактическое отождествление гражданского общества и государства сочеталось с «ограниченностью» древнегреческой демократии, которая распространяла свое влияние исключительно на граждан и подчинялась аксиоме – «государство – есть общение свободных людей» [Аристотель, 1983, с. 456]. Тем не менее декларирование положений о справедливости, верховенстве права, доминанте частной собственности и высоком уровне нравственности населения позволяло проектировать устойчивые политические, социально-экономические, а также духовные предпосылки возникновения гражданского общества на практике.

Древнеримский мыслитель Марк Туллий Цицерон предлагал собственный подход к организации взаимодействий граждан и государства в рамках категории *societas civilis*. Определяя государство как достояние народа, он указывал на имманентную потребность последнего в правовой солидарности и единстве интересов [Цицерон, 1994]. Исключительность гражданской общины, выступающей каркасом народности, заключалась во взаимном согласии социальных единиц. Аналогично Аристотелю, атрибутика гражданского общества у Цицерона включала в себя верховенство права как фундаментальный критерий моделирования партикулярных компонентов. Унификация прав граждан, их единство для всего общества, обеспечиваемое государством, являлось основой как общего правопорядка, так и гражданственности. *Societas civilis* Цицерона эквивалентно множеству людей, связанных согласием [Цицерон, 1994]. В его трактовке «нет ничего более неизменного и более прочного, чем народ, согласный и во всем сообразующийся со своей безопасностью и свободой; но легче всего согласие это достижимо в таком государстве, где всем полезно одно и то же» [Цицерон, 1994, с. 23]. Обозначенный социальный консенсус предполагал гарантию формирования не только оптимальных государственных, но и «индивидуальных» механизмов, обслуживающих потребности конкретных групп.

В сущности, обобщенный трек политико-правовой мысли античного периода транслировал генерацию базовых индикаторов, позволяющих в будущем сконструировать автономный от государства сегмент, балансирующий «общее и частное». Идея гражданского общества в зародыше была выражена формулой: закон – его связующее звено. Установление качественных опор соблюдения прав и свобод человека определялось как важнейший фактор организации паритетных взаимодействий между членами социума, а также в рамках их контакта с властными структурами.

Помимо создания прочной правовой платформы, представленной в формате юридической свободы и равенства граждан, целостности интересов государства и народа, к предпосылкам становления гражданского общества относилась и возможность владения частной собственностью, выступающая залогом формирования независимых от публичного сектора начал. В то же время само гражданское общество в обозначенный период фактически уподоблялось государству – они идентифицировались друг с другом, представлялись как единое целое без значительных параллелей в содержательном аспекте.

Вопрос об их разграничении не обладал принципиальной ценностью – мыслители, находясь в поиске наиболее эффективной формы правления, рассуждали о ее возможных реквизитах, которые коррелировались с саморегулируемыми процессами в обществе. Соответственно, выделение первичных признаков гражданского общества происходило «спонтанно» в пределах иных исследовательских миссий. Но даже подобное стихийное оформление сущностных показателей

обозначенного феномена создавало важнейший каркас для его последующего становления в качестве одной из центральных политико-правовых категорий.

Средние века создавали собственную проекцию гражданского общества, отвечающую преимущественно декларируемым религиозным постулатам. Миропорядок объяснялся Божьим промыслом и подчинялся церковным канонам, ортодоксальное зачастую сливалось со светским и предопределяло взаимозависимые формулировки. Выявление гражданской самостоятельности не фигурировало в формате отдельной идеи, однако в сквозном режиме присутствовало в общих размышлениях о государственном устройстве.

Фома Аквинский, синтезируя идеи Аристотеля и вкладывая в них клерикальный смысл, соглашался с позиционированием человека как существа общественного и видел ключевой целью государственной власти сохранение мира и справедливости, достижение общего блага посредством воспитания добродетелей [Аквинский, 2016]. Спустя несколько столетий размышления о соотношении государства и общества прогрессировали в новую плоскость. Николо Макиавелли, продвигая тезис о сильной государственной власти, проводил отчетливые параллели между публичным и частным. Идентифицируя государство в качестве высшего проявления человеческого духа, он предлагал концепцию, где государь «должен побуждать граждан спокойно предаваться торговле, земледелию и ремеслам, чтобы одни благоустраивали свои владения, не боясь, что эти владения у них отнимут, другие – открывали торговлю, не опасаясь, что их разорят налогами» [Макиавелли, 2014, с. 114]. Подобный подход иллюстрировал начало важнейших модификационных процессов внутри диалогии «государство – гражданское общество» – с учетом развития товарно-денежных отношений, изменений общественной и идеологической конъюнктуры указанные явления сепарировались друг от друга, обновляя свои сущностные характеристики.

Проблематикой гражданского общества занимались многие философы Нового времени. Как правило, наиболее активную позицию в этом аспекте занимали сторонники теории общественного договора – Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш. Монтескье, Ж.Ж. Руссо и прочие. Общая концепция гражданского общества представлялась в формате его определения как вспомогательного по отношению к государству элемента. По мнению исследователей, «в трудах мыслителей, различавших периоды естественного состояния и гражданского состояния, возникшего как результат общественного договора, гражданское общество рассматривается как политически организованное общество, противопоставляемое догосударственному состоянию» [Авакьян и др., 2015, с. 18]. Например, Т. Гоббс, объясняя возникновение гражданского общества переходом от естественного состояния «всеобщей вражды» к организованной в рамках государства общности индивидов, писал о том, что «...гражданские сообщества не есть простые объединения людей, но объединения, основанные на договоре, для создания которых необходимы взаимные верность и согласие» [Гоббс, 1989, с. 289].

Государство и гражданское общество в эпоху Нового времени раскрывались через оптимальный баланс категорий «свобода» и «повиновение», при этом только первое в силах обеспечить господство разума, мира и безопасности, что предопределяет его ведущее положение. Государство с помощью правовых средств направляет и охраняет гражданское общество, устанавливает пределы его функционирования, тем самым закрепляя за ним зависимую роль. Относительное признание автономного характера гражданского общества, безусловно, являлось новаторским и фундаментальным шагом на пути к его становлению в качестве самостоятельного политико-правового феномена. Однако данное открытие существовало преимущественно в границах размышлений об общественном договоре, что не позволяло ему привлечь к себе колоссальное внимание.

На этом фоне довольно оригинально выглядело учение о гражданском обществе Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, представленное в рамках его общеполитической философии.

модели, подчиненной комплексным правилам исторической и рациональной необходимости. По Гегелю, «гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства» [Гегель, 1990, с. 228]. Своеобразная уникальность гегелевского концепта гражданского общества заключается в его противопоставлении государству по ряду показателей – прежде всего по происхождению и социальному наполнению с одновременным сохранением подчиненного статуса. Обозначенные синхронные «оппозиция» и «привязка» государства и гражданского общества создавали важнейшие гарантии для закрепления последнего как постоянного функционального элемента в политическом сегменте. Осознавая себя частью государства, гражданское общество все же служило частным интересам, формируя каркас качественной работы властных структур посредством установления эффективной системы контроля не только сверху, но и снизу [Гегель, 1990, с. 334-335].

Дальнейшая разработка идеи гражданского общества проходила под обширным влиянием социально-исторических причин. Усложнение общественной архитектуры, борьба классов за собственные общие и индивидуальные права, усиление позиций политических партий и возникновение множества разнообразных общественных объединений стали катализаторами для генерации устойчивых перспектив активной деятельности свободной и прогрессивной личности. В Новейшее время гражданское общество стало определяющим фактором эволюции политической и правовой культуры, выраженной в многопрофильной демонстрации гражданами персональных прав и интересов, в частности путем объединения в специальные коллективы. Гражданское общество трансформировалось в совокупность автономных от государства институтов и отношений, создающих благоприятные условия для персональной и коллективной самореализации.

Актуальные вариации соотношения гражданского общества и государства

Современная трактовка гражданского общества как конкретно-исторического состояния социума и самоуправляемой отделенной от государства общественной силы предполагает определенную атрибутику. Признание прав и свобод человека высшей ценностью, их соблюдение и защита, совместная работа государства и граждан в рамках развития экономики, демократических ценностей и справедливости, существование независимых от государства организаций, выражающих собственные интересы, являются ключевыми признаками фактического становления гражданского общества. При этом длящаяся на протяжении нескольких столетий модернизация взглядов на саму сущность гражданского общества привела к становлению нескольких современных версий соотношения фигур «государство» и «гражданское общество», адаптированных с учетом прошлого опыта и раскрывающихся через призму традиционного определения взаимных ролей.

Первая – либерально-демократическая – интерпретация предполагает антитезу двух обозначенных выше явлений. В этой плоскости гражданское общество признает высшей ценностью свободу личности и при необходимости защищает ее от государства, формируя систему независимых от государства общественных институтов и отношений, призванных обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, претворения в жизнь частных интересов и потребностей [Гаджиев, 1991; Кравченко, 1991].

Вторая – социал-демократическая – формально интегрирует государство в гражданское общество, наделяя последнее ведущим статусом. Гражданское общество в рамках данной концепции – система отношений между людьми, обеспечивающая удовлетворение их неотъемлемых прав на основе самоуправления и свободы, выбора форм и направлений деятельности, а государство – лишь один из стабильно функционирующих его институтов [Сморгунов, Семенов, 1996].

Третья – интегративно-демократическая – теория идет по пути компромисса и выстраивает взаимодействия государства и гражданского общества на паритетных

началах. Гражданское общество в границах данного подхода представляет собой определенное состояние общества, которое базируется на развитых формах общественной самоорганизации и саморегуляции, оптимальном сочетании публичных и частных интересов при определяющем значении последних и при безусловном признании в качестве высшей ценности такого общества человека, его прав и свобод [Агибалов и др., 2002, с. 8].

На наш взгляд, наиболее оптимальным форматом соотношения государства и гражданского общества является их позиционирование в качестве двух автономных элементов социальной жизни, которые взаимодействуют друг с другом на регулярной основе. В таком случае государство обеспечивает удовлетворение базового набора потребностей населения, а общество через саморегулируемые институты координирует его действия с учетом собственных запросов. На этом фоне согласимся с исследователями, лоббирующими идею кооперации и включения институтов гражданского общества в административно-управленческую деятельность [Петров, 2011].

Однако, осознавая важность направленного друг к другу движения государства и гражданского общества, необходимо проводить между ними отчетливую параллель. Институты гражданского общества – это прежде всего юридически обособленные от государства некоммерческие организации, деятельность которых направлена на защиту интересов различных групп населения, участие в реализации социальных проектов и программ. Они не интегрированы в государственный механизм, поэтому и обеспечивают объективный контроль за реализацией прав и свобод человека и гражданина.

Молодежный парламентаризм в политико-правовой конфигурации (на примере Российской Федерации и Великобритании)

Существенная роль гражданского общества во всем многообразии его институтов в построении качественных основ государственности, социальной и политической сфер предопределяет размышления об интеграции молодежных парламентов в указанный сегмент. По мнению Л.С. Пастуховой, «молодежный парламентаризм должен находиться в структуре гражданского общества» [Пастухова, 2007, с. 16, 38]. Причисление молодежных парламентов к субъектам гражданского общества основано на их фактическом назначении – обеспечить участие молодежи в решении ключевых социально-политических решений. Однако, определяя место молодежного парламентаризма в обозначенной парадигме с учетом особенностей взаимодействия гражданского общества и государства, нельзя игнорировать его национальные характеристики. Молодежные парламенты в европейских государствах и в России – отчасти диаметрально противоположные структуры, сохранившие единство лишь в наименовании. На примере опыта конструирования молодежных парламентов в Великобритании и Российской Федерации можно продемонстрировать существенные различия в аспектах функционирования и общей организации названных компонентов.

Молодежный Парламент Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии – это «программа, которая предоставляет возможность подросткам в возрасте от 11 до 18 лет использовать свой голос на выборах для осуществления социальных изменений посредством значимого представительства и проведения кампаний»¹ [UK Youth Parliament, 2024]. Специфика оформления Молодежного парламента Великобритании заключается в его дискретной связи с государством – с одной стороны, данная структура вовлекает молодежь в парламентский процесс, предоставляя прямой доступ к лицам, принимающим решения, с другой, – для «управления» самим Молодежным парламентом привлекается определенная благотворительная организация, деятельность которой в рамках обеспечения функционала указанного объединения

---

¹ UK Youth Parliament. Official website of The National Youth Agency. URL: <https://nya.org.uk/ukyp/> (дата обращения: 15 мая 2024).

молодых людей финансируется за счет средств гранта Министерства культуры, СМИ и спорта Соединенного Королевства [UK Youth Parliament, 2024]. Иными словами, государство, создавая легальную площадку для выражения молодежью собственной позиции, «уходит в тень» и делегирует непосредственное руководство молодыми парламентариями некоммерческому образованию, оказывая преимущественно материальную поддержку. При таком формате контакт молодежи с государственным сектором носит фрагментарный характер – периодически взаимодействуя, они не рассматриваются как единое целое, оставаясь самостоятельными, отчасти противопоставляемыми элементами.

Концепция молодежного парламентаризма в отечественном государстве отличается значительной самобытностью. В России молодежные парламенты организационно являются совещательными и консультативными органами при государственных структурах. То есть формально они являются составной частью внутреннего устройства конкретного государственного органа и действуют под его началом, что закреплено нормативно. Так, Молодежный парламент при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации – это «совещательный и консультативный орган, созданный для оказания содействия законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в области законодательного регулирования прав и законных интересов молодежи»¹. Отметим, что региональные молодежные структуры парламентского типа сохраняют подобный организационный подход и также действуют в качестве отдельного звена законодательных органов субъектов Российской Федерации.

Не акцентируя внимания на тех или иных количественных и возрастных показателях молодежных парламентов в России и Великобритании, обратимся к их базовым содержательным характеристикам. Ключевым сравнительным ориентиром здесь выступает сама сущность молодежной структуры – если в Великобритании речь ведется об особой социальной программе, в рамках которой и существует объединение молодых людей, то в Российской Федерации молодежные парламенты – это функциональные единицы государственных органов, дублирующие их работу в целях представительства интересов молодежи в диалоге с властью. Оба варианта сочетают в себе определенные достоинства и отвечают социальным вызовам и запросам конкретного государства, учитывая его персональный исторический опыт, но в русле затронутой проблематики к институтам гражданского общества можно причислить только британский формат.

Очевидно, что молодежные парламенты и в России, и в Великобритании преследуют общую цель – создать устойчивые гарантии для выражения молодежью как особой социальной стратой коллективных интересов, что коррелируется с фундаментальными принципами гражданского общества. Однако нормативные характеристики конкретных национальных молодежных структур все же разводят их по разным углам. Если Молодежный Парламент Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии действует как социальная программа и юридически находится под управлением благотворительной организации, то отечественная версия данного объединения молодых граждан напрямую зафиксирована в государственном механизме.

Заключение

В Великобритании и большинстве других европейских государств молодежный парламентаризм успешно существует в рамках гражданского общества как отдельный его институт. Российские же политико-правовые реалии с учетом оригинальной концепции молодежного парламентаризма не позволяют причислить его к названной выше

---

¹ Об утверждении Положения о Молодежном парламенте при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 16.03.2023 № 3315-8 ГД. СЗ РФ. 2023. № 12. Ст. 2007.

категории, предопределяя уникальное положение отечественных молодежных парламентских структур. Полагаем, что избранная в России вариация организационного оформления молодежного парламентаризма в значительной степени корреспондирует его сущности и способствует эффективным взаимодействиям молодежи и властно-управленческого сегмента. Непосредственная связь с государством и нахождение в его «плоскости» гарантируют обширную демонстрацию интересов молодежи, создают устойчивую платформу для выражения молодежной позиции по различным вопросам, предоставляют больше легальных возможностей воздействия на ту или иную ситуацию, а также в перспективе позволяют сформировать кадровый резерв для законодательных или исполнительных органов. При этом статус консультативного и совещательного органа не лишает молодежь «общественной самоидентичности», а наоборот, открывает доступ к новым возможностям в сфере представления персональных запросов.

Дилемма о месте молодежного парламентаризма в отечественной парадигме институтов и ценностей решена на легальном уровне – молодежные парламенты, выступая «трибуной» для молодых граждан, находятся в постоянном контакте с органами государства, синтезированы с ними. Оптимальность данного подхода обусловлена не только нормативными предписаниями, но и зарекомендовавшими себя с положительной стороны фактическими взаимодействиями государства и молодежи.

Теоретическое отнесение российских молодежных парламентов к субъектам гражданского общества потребует не только реформирования сложившейся за несколько десятков лет системы организации обозначенных компонентов, но и отразится на «уникальности» самой концепции молодежного парламентаризма, который, теряясь в иных институтах гражданского общества, сохранит лишь статус параметра, посвященного молодежи. Эффективность взаимоотношений молодежного сообщества и государственного сектора находится в прямой зависимости от грамотно выстроенной иерархии, где молодежные парламенты, находясь на высшей ступени и непосредственно контактируя с государственными органами, активно сотрудничают с различными институтами гражданского общества.

Список литературы

- Авакьян С.А. 2015. Гражданское общество как гарантия политического диалога и противодействия экстремизму: ключевые конституционно-правовые проблемы. Москва, Юстицинформ, 652 с.
- Агибалов Ю.В. Становление гражданского общества: личность, самоуправление, власть. Воронеж, Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 364 с.
- Алиханова С.А. 2018. Особенности молодежного парламентаризма в Республике Дагестан. *Власть*, 15: 58-61.
- Аристотель. 1983. Сочинения. В 4-х т. Москва, Мысль, 830 с.
- Аслаев Т.С., Буранбаев Р.А., Гайнуллин А.З., Сайфутдинов В.В. Состояние молодежного парламентаризма в Республике Башкортостан в 2022 году. *Образование и право*, 7: 200-203.
- Барышная Н.А., Самохвалов Н.А. 2020. Молодежный парламентаризм в России на современном этапе: концептуальный анализ. *Вестник Забайкальского государственного университета*, 26(4): 42-47. DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-4-42-47
- Бочкаев А.Р. 2024. Технологии взаимодействия государства с молодёжью в 2000–2020-е. *Общество: политика, экономика, право*, 1: 43-47. DOI: 10.24158/per.2024.1.5
- Гаджиев К.С. 1991. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования. *Вопросы философии*, 7: 19-35.
- Гегель Г.В.Ф. 1990. Философия права. Москва, Мысль, 524 с.
- Гоббс Т. 1989. Сочинения: в 2-х т. Т. 1. Москва, Мысль, 621 с.
- Головин Д. А. 2022. Анализ технологий политической активности молодежи г. Москвы. *Социально-политические исследования*, 3(16): 80-93.
- Заслонкина О.В. 2021. Молодежный парламентаризм в современной России: трансформация политико-правовой природы. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*, 11(3): 145-153.

- Ивлева М.И. 2023. Формирование ценностей студенческой молодежи в образовательном пространстве вуза. *Право и практика*, 4: 241-248. DOI: 10.24412/2411-2275-2023-4-241-248
- Коэн Дж., Арато Э. 2003. Гражданское общество и политическая теория. Москва, Весь мир, 784 с.
- Кравченко И.И. 1991. Концепция гражданского общества в философском развитии. *Полис. Политические исследования*, 5: 128-139.
- Макиавелли Н. 2014. Государь. Москва, ЭКСМО, 672 с.
- Москаленко В.А. 2023. Институты привлечения молодежи к государственной деятельности в субъектах ПФО: практическая работа и функциональные трансформации. *Общество: политика, экономика, право*, 8(121): 66-73.
- Орлова А.Н. 2024. Государство и гражданское общество: сотрудничество и взаимосвязь. *Вестник Костромского государственного университета*, 30(1): 243–250. DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-1-243-250
- Пастухова Л.С. 2007. Молодежный парламентаризм как фактор развития гражданского общества. Диссертация ... кандидата политических наук. Москва, 216 с.
- Петров М.П. 2011. Теоретические проблемы совершенствования правовой основы взаимодействия исполнительной власти и гражданского общества. *Конституционное и муниципальное право*, 9: 6-19.
- Семочкина Е.В. 2021. Экспертная оценка взаимодействия органов государственной власти с молодежными совещательными органами. *Вопросы политологии*, 12 (76): 3570-3575. DOI: 10.35775/PSI.2021.76.12.019.
- Сергеев А.К., Гнатюк М.А., Гнатюк К.Ю. 2018. Молодежный парламент как форма реализации региональной молодежной политики: опыт Самарской области. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 2: 23-28.
- Тепляшин И.В. 2020. Молодежные общественные структуры: потенциал публичного управления и общественного контроля. *Гражданское общество в России и за рубежом*, 3: 20-23.
- Федотов Д.А. 2021. Генезис и предпосылки возникновения молодёжного парламентаризма в России. *Право и политика*, 9: 87-101. DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36431.
- Фома Аквинский. Пер. с латинского: Александр Марей. 2016. О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей. *Социологическое обозрение*, 15 (2): 96–128.
- Цицерон Марк Туллий. 1994. Диалоги. Москва, Ладомир, Наука, 222 с.
- Шелудякова Т.В. 2018. Молодежный парламент как орган народного представительства. *Конституционализм и государственное устройство*, 2 (12): 22-26.

References

- Avakyan S.A. 2015. Grazhdanskoe obshchestvo kak garantiya politicheskogo dialoga i protivodeistviya ekstremizmu: klyuchevye konstitutsionno-pravovye problem [Civil Society as a Means to Ensure Political Dialog and Opposition to Extremism: Key Constitutional Law Problems]. Moscow, Publ. Justicinform, 652 p.
- Agibalov Yu. V. 2002. Stanovlenie grazhdanskogo obshchestva: lichnost', samoupravlenie, vlast'. [The formation of civil society: personality, self-government, power]. Voronezh, Publ. Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 364 p.
- Alikhanova S.A. 2018. Political design: some aspects of the problem of designing civil identity in modern Russia. *Vlast'*, 15: 58-61 (in Russian).
- Aristotel'. 1983. Sochineniya [Essays]. In 4 volumes. Moscow, Publ. Mysl', 830 p.
- Aslaev T.S., Buranbaev R.A., Gainullin A.Z., Saifutdinov V.V. The state of youth parliamentarism in the Republic of Bashkortostan in 2022. *Education and Law*, 7: 200-203 (in Russian).
- Baryshnaya N.A., Samokhvalov N.A. 2020. Youth parliamentarism in Russia at the present stage: conceptual analysis. *Transbaikal State University Journal*, 26(4): 42-47 (in Russian). DOI: 10.21209/2227-9245-2020-26-4-42-47.
- Bochkaev A.R. 2024. Technologies of Interaction between the State and Youth in the 2000s and 2020s. *Society: Politics, Economics, Law*, 1: 43-47 (in Russian). DOI: 10.24158/pep.2024.1.5
- Gadzhiev K.S. 1991. Kontseptsiya grazhdanskogo obshchestva: ideinye istoki i osnovnye vekhi formirovaniya. [The concept of civil society: ideological origins and main milestones of formation]. *Problems of Philosophy*, 7: 19-35.
- Gegel' G.V.F. 1990. Filosofiya prava [The philosophy of law]. Moscow, Publ. Mysl', 524 p.
- Gobbs T. 1989. Sochineniya [Essays]. In 2 volumes. V.1. Moscow, Publ. Mysl', 621 p.

- Golovin D. A. 2022. Analysis of technologies of youth's political participation in Moscow. *Social and political researches*, 3(16): 80-93 203 (in Russian). DOI: 10.20323/2658-428X-2022-3-16-80-93.
- Zaslonskaya O.V. 2021. Youth Parliamentarism in Modern Russia: Transformation of the Political and Legal Nature. *Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*, 11(3): 145-153 (in Russian).
- Ivleva M.I. 2023. Formation of student youth values in the educational space of the university. *The law and practice*, 4: 241-248 (in Russian). DOI: 10.24412/2411-2275-2023-4-241-248.
- Cohen J., Arato A. 2003. Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya [Civil Society and Political Theory]. Moscow: Ves' mir, 784 p.
- Kravchenko I.I. 1991. Kontseptsiya grazhdanskogo obshchestva v filosofskom razvitii [The concept of civil society in philosophical development]. *POLIS. Political Studies*, 5: 128-139.
- Machiavelli N. 2014. Gosudar' [The Prince]. Moscow, Publ.EKSMO, 672 p.
- Moskalenko V.A. 2023. Youth Engagement Institutions to State Activities in the Subjects of the Volga Federal District: Practical Work and Functional Transformations. *Society: Politics, Economics, Law*, 8(121): 66-73 (in Russian). DOI: 10.24158/pep.2023.8.8.
- Orlova A.N. 2024. State and civil society: cooperation and interconnection. *Vestnik of Kostroma State University*, 30(1): 243–250 (in Russian). DOI: 10.34216/1998-0817-2024-30-1-243-250.
- Pastuhova L.S. 2007. Molodezhnyj parlamentarizm kak faktor razvitiya grazhdanskogo obshchestva [Youth parliamentarism as a factor in the development of civil society]. Abstract. dis. ... cand. political sciences. Moscow, 216 p.
- Petrov M.P. 2011. Teoreticheskie problemy sovershenstvovaniya pravovoi osnovy vzaimodeistviya ispolnitel'noi vlasti i grazhdanskogo obshchestva [Theoretical problems of improving the legal framework for interaction between the executive and civil society]. *Constitutional and Municipal Law*, 9: 6-19.
- Semochkina E.V. 2021. Expert assessment of the interaction of public authorities with youth advisory bodies. *Political Science Issues*, 12 (76): 3570-3575 (in Russian). DOI: 10.35775/PSI.2021.76.12.019.
- Sergeev A.K., Gnatyuk M.A., Gnatyuk K.Yu. 2018. Youth parliament as a form of implementation of regional youth policy: the experience of the Samara region. *State and municipal management. Scholar notes*, 2: 23-28 (in Russian).
- Teplyashin I.V. 2020. Youth Social Structures: The Potential of Public Administration and Public Control. *Civil Society in Russia and Abroad*, 3: 20-23 (in Russian).
- Fedotov D.A. 2021. Genesis and prerequisites for the emergence of youth parliamentarism in the Russian Federation. *Law and politics*, 9: 87-101 (in Russian). DOI: 10.7256/2454-0706.2021.9.36431.
- Thomas Aquinas (Per. s latinskogo: Aleksandr Marej). 2016. O korolevskoi vlasti k korolyu Kipra, ili O pravlenii knyazei [On Kingship to the King of Cyprus; or, On the Government of Princes]. *Russian Sociological Review*, 15(2): 96–128.
- Cicero. 1994. Dialogi [Speeches]. Moscow, Publ. Lodomir, Nauka, 222 p.
- Sheludyakova T.V. 2018. The youth parliament as the body of the people's representative office. *Constitutionalism and political science*, 2 (12): 22-26 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 10.11.2023

Поступила после рецензирования 25.12.2023

Принята к публикации 15.01.2024

Received November 10, 2023

Revised December 25, 2023

Accepted January 15, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хмелевская Ирина Геннадиевна, аспирант кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

 [ORCID 0000-0002-4567-2017](https://orcid.org/0000-0002-4567-2017)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina G. Khmelevskaya, postgraduate student, Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

 [ORCID 0000-0002-4567-2017](https://orcid.org/0000-0002-4567-2017)